

Родина

Кому-то не мила моя земля.
Он говорит, что Родина – где лучше.
Душою, сердцем не согласен я
С тем человеком, что измене учит.

Ну как предам журчание ручья?
Как распростёртой изменю я ниве?
И как скажу берёзке – ты ничья?
Всё это брошу и останусь вживе?

Как брошу я на произвол судьбы
Иль, походя, отдам в чужие руки
По тракту в даль бегущие столбы
Или рассвета трепетные звуки?

Лишиться как прозябнувшей реки?
А как соседа доброго лишиться?
Я никогда не протяну руки,
Кто предложить такое мне решится.

Я буду стыть, я буду голодать,
Куски я буду собирать, бродяжа,
Но даже мысль не допущу отдать
Хоть клочок несчастной, умирая даже.

Нет, невозможно Родину продать.
И как бы ей ни приходилось туго,
Она мне – Мать. Не продаётся мать.
Вовек! Ни за деньги, ни за услугу.

Привет, родная Бараба!

Глаза закрою – мне приснится:
Волной у озера камыш,
И трясогузая синица
Свистит, распугивая тишь.

Колодец «трунинский» в околке
Со срубом, словно набекрень.
Окна разбитого осколки,
В руке у матери ремень...

Я помню тополь по соседству,
Картошки мёрзлой сочный мёд...
Во мне, я знаю, моё детство,
Утратив радости, живёт.

Я вижу Шубинку родную,
Корову стельную в избе...
И до сих пор в душе тоскую
По детству в нищей Барабе.

Привет тебе, страна из Детства!
Привет, родная Бараба!
Ты мне навеки – как наследство,
В тебе живёт моя Судьба.

* * *

Всё что-то требуем от жизни.
Питаем, тешим телеса...
И только в ожиданье тризны
Заговорим о небесах.

Откроется тогда нам тайна –
Души вселенской глубина.
Поймём, что вовсе не случайно
И нам душа была дана.

Дана, чтоб ближнему внимали,
В бессмертье шли из века в век;
И, чтобы Ею понимали,
Что ближний – тоже человек.

Когда придёт Творец небесный
На землю нашу суд вершить,
Судить не будет прах телесный,
А чистоту твоей души.

* * *

О, Сибирь моя снежная,
О, Сибирь моя вьюжная!
Дай мне что-нибудь нежное,
Дай мне что-нибудь южное;

Дай мне солнце нещадное,
Дай пчелу на смородине
И возьми беспощадную
Всю любовь мою к Родине.

Не умею я выпренне
Говорить – деревенщина,
Но люблю тебя искренне,
Как прекрасную женщину.

Дай, Сибирь, вдохновение
Прославлять тебя гимнами,
И даруй очищение
Перед божеским именем!

Тревога

(памяти В. М. Шукшина)

Прошло пустынных столько лет
Обкраденного века...
Неужто кто забыл, что нет
Такого Ч Е Л О В Е КА?

Не верю. Нет, не может быть,
Ведь это всё едино,
Что с лёта лебедея убить
И мнить себя невинным.

А он был лебедем средь нас,
Средь прочих разных пташек.

И как поверить, что угас
И крыльями не машет?..

Мне так и видится Алтай
И лебедь в небе синем,
Несущий душу на алтарь
Страдалицы России.

А лучше не искать аршин.
Сравнения не помогут.
Ушёл, ушёл, ушёл Шукшин...
Осталось что?
Тревога...

Ровеснику

Ищем смысл мы с тобою в жизни
И, чтоб не было больно потом,
Посвятим её, друг, Отчизне,
Где любовь твоя, где твой дом;
Где берёзка с сосной в обнимку,
Словно русские бабы грустят;
Где закаты всегда вновинку;
Где ловил ты любимой взгляд;
Где журавль у колодца скрипучий;
Где вдыхал аромат травы;
И где с детства ты крепко выучил
Плач надрывный солдатской вдовы;
Где пахали, запрягшись, солдатики,
Выбиваясь из бабьих сил;
Где на брюках цветные латки
Ты, как раны сквозные, носил;

Той Отчизне, что предки обжили
С приговоркою «робь и не трусью»,
О которой былины сложили,
Нарекли гордым именем – «Русь».

Уважение

Я с детства уважаю старшинство.
И шапку перед старшими снимаю,
Как ласковый зелёный листик в мае
Приветствует рассвета божество.

Я в человеке уважаю труд,
Ладони в отшлифованных мозолях,
Как золотое уважают поле,
Когда комбайны весело поют.

С ребячества я уважаю хлеб,
Как мать своё дитя, свою кровинку.
И, трогая пшеничную травинку
И ощущая потную горчинку,
Всем говорю: Дороже хлеба – нет!

* * *

А деревня живёт с надрывом.
И работает, и поёт,
И с надрывным тупым порывом
Пашет, сеет и водку пьёт...

Ей, деревне,
Всегда казалось:
Вот маленько,
Совсем чуть-чуть,

Вот одна ещё только малость
И откроется светлый путь.

Но всё так же встают рассветы,
И закаты уходят в муть...
Вот ещё пролетело лето
И упало куда-то в жуть.
Что потом? Что зимой,
Весною?
Уродится добро иль зло?
С этой думой своей тугою
Пашет, плачет и пьёт село...

1996 г.

(Публикация В.В. Карасева, брата поэта)